
УСПЕШНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Б.А. Камкия

Кафедра теории и истории государства и права
Сочинский институт РУДН
ул. Куйбышева, 32, Сочи, Россия, 354348

Статья посвящена изучению опыта обновления общества как в России, так и в других странах. Анализируются успешные модели модернизации. Ставится проблема нахождения собственных ресурсов к обновлению, как необходимое условие общественной стабильности. Отмечается, что процесс обновления всегда является для каждого общества сложнейшим экзаменом, формулируется вывод о том, что в культуре каждого общества имеются каналы (ценности) обновления, через которые народ может проложить свой (традиционный) менее конфликтный путь модернизации.

Ключевые слова: теории модернизации, модели модернизации, успешная модернизация, органические и неорганические процессы обновления общества, условие общественной стабильности, архаика, традиция, духовные доминанты, ресурсы обновления.

Пожалуй, в современной научной литературе нет специальных исследований, посвященных пределам модернизации, за гранью которых наступает угроза общественной стабильности. На практике России пришлось следовать многим социальным мифам, в том числе мифу о путях обновления общества, что привело к разрушению социальных и политических институтов, традиционных регулятивов.

Последняя модернизация в России очередной раз происходила за счет резкого разрыва с традицией (на этот раз советской), который обернулся для традиционного человека крушением высших ориентиров и ценностей, утратой смысла жизни, экономическим, политическим и демографическим кризисом.

К сожалению, только после радикальных либеральных реформ в России стали понимать, что существуют огромные различия между социальной структурой, «анатомией» российского социума и обществами стран Западной Европы и США.

Осознание невозможности в ближайшей перспективе создания в нашей стране классической модели «гражданского общества», которая веками конструировалась на Западе, является социальным опытом, прежде всего, их культуры. Возможно, именно с учетом данной российской специфики правящая элита сегодня пытается частично восстановить преемственность политических практик, поскольку в противном случае общество рискует потерять свою историческую цивилизационную субъектность, за которой наступает угроза национальной безопасности.

Классическая теория модернизации, противопоставлявшая инновации традициям, полагала, что инновации непременно должны вытеснять, ломать, уничтожать традиции. В сегодняшней, обновленной теории модернизации на смену антитрадиционалистским рефлексиям пришли представления о модернизационном потенциале традиций. Суть этих представлений в следующем: органичное принятие обществом инновационных экономических технологий возможно лишь в случае, если инновации вырастают из традиций.

Мировая практика показывает, что успехов в модернизации добились именно те регионы, в которых гражданское общество и демократические ценности были сильны еще в XIX в. и сохранялись в форме культурных традиций. Выясняется, что чем более «альтруистично» общество (то есть, говоря традиционалистским языком, связано солидарными отношениями), тем выше качество действующих в нем политических и государственных структур. Исследования указывают на существование прямой зависимости между процветанием национальной экономики и такими качествами ее граждан, как экономность и бережливость, трудолюбие, упорство, честность и терпимость [4].

Похожую идею, но в еще более категоричной форме, выдвинул английский социолог Зигмунд Бауман, утверждавший, что общество обречено на гибель, на полный коллапс социально-нормативной системы, если новые институты коллективности не смогут совместиться с традиционными [2].

Таким образом, социальный опыт указывает на невозможность (нерациональность) радикального отказа от существующей традиции в процессе исторического творчества. Сегодня уже с уверенностью можно утверждать, что связка «традиция — модернизация» является элементом классической европейской модели развития. Здесь модернизация мыслится как инновационный процесс, базирующийся на традиции, устойчивой основе общества. Модернизация не отменяет и не деформирует традицию, а постепенно реформирует ее. Традиция, в свою очередь, не блокирует модернизацию, а ограничивает ее, приспособлявая к существующим отношениям, и медленно приспособляется сама.

В результате такой органичной модернизации «общественное развитие» выглядит как процесс постоянного плавного усовершенствования и смены социальных форм. В идеальном случае переход к обществу модерна происходит без революций. Жизнь традиций в обществе модерна ускоряется — они существуют лишь на протяжении жизни нескольких поколений, а не тысячелетия, как прежде. Но при этом они сохраняются в максимальном объеме. Идеальным примером этой модели является Англия XVIII–XIX вв. — традиционная, сдержанная, педантичная, в то же время раньше всех индустриализированная и более всех инновационная.

Проблема модернизации общества заключается и в том, что радикальный разрыв с традицией неизбежно компенсируется усилением архаики в социальной жизни, создавая угрозу национальной безопасности, признаки которого мы обнаруживаем на примере России в конце XX в.

Архаика проявилась в способах и средствах легитимации власти, а также и в образах мышления граждан. В целом это характеристики тоталитаризма. В современной России это можно пронаблюдать в немереном чиновничестве и в отсутствии гражданской позиции. Избежать архаики удавалось лишь там, «где модернизация становилась ценностью, но не мыслилась как наступление на традицию, например, в Японии» [6]. Традиция там призывалась в союзники модернизации. Прагматические конфуцианские традиции Юго-Восточной Азии позволяли многим странам рационально и селективно подойти к модернизации, не форсируя ее там, где она не была необходима.

И действительно, такие традиционные ценности, как семья, стабильность, труд, нравственность помогли создать оригинальную модель в высшей степени современного японского общества, для которого возвращение архаики не представляло опасности.

Различия архаики от традиции существенные. Под традицией обычно имеются в виду устойчивые культурные и социальные структуры, которые обеспечивают преемственность социальной жизни и задают определенные рамки мотивам и формам социальной деятельности. Архаика же не обладает рациональной структурой, не выполняет конструктивную функцию регулирования человеческого поведения. Если традиция выполняет функцию «социальной трансмиссии», то архаика разрушает культуру общества. Это можно было наблюдать при распаде СССР — разрушение многократно наращиваемых историей культурных слоев неизбежно отбросило сознание людей в архаические пласты культуры, в архетипы коллективного бессознательного.

Архаика возникает в тот момент, когда общество на вызов сложных исторических проблем не отвечает соответствующим творческим освоением нового. К примеру, появление этнократии и соответствующих принципов легитимации власти в 90-е гг. на постсоветском пространстве. Сегодня проявления национализма и других крайних идеологий произрастают на почве дисбаланса в системе «традиция — инновация».

Обычно архаика связывается с древними, примитивными формами культуры и социальной жизни. Но это не значит, что с развитием и усложнением обществ она исчезает. В реальности она лишь отступает, становясь редуцированным элементом традиции. Примитивные социальные формы, зафиксированные в традициях, соответствуют примитивным уровням психики. Усложнение социальных форм и традиций требует более глубокой культурной проработки психики.

Но простые формы психической жизни не могут исчезнуть совсем, они лишь окультуриваются, застраиваются более высокими слоями. Традиция призвана защитить как от архаики, так и от «облучения» модерном. Иными словами, в противоположность традиции архаика не дана эксплицитно, в явном виде и не является сознательно используемым поведенческим регулятивом. В сравнении с ней традиция рациональна, очевидна и вытекает из ценностных конвенций и образцов поведения, заданных культурой, а не психикой. При разрушении культуры ее вытесняет архаика. При развитии культуры, наоборот, традиция вытесняет архаику.

Однако победа архаики всегда означает поражение модерна. Главная черта архаики — неспособность к саморазвитию, к конструктивным изменениям. Парадоксальным же является то, что при этом «архаика сама может быть источником модернизации и разрушения традиции» [1].

Другой актуальной социокультурной проблемой модернизации общества является вопрос о соотношении традиции и инновации. Сложность заключается, прежде всего, в том, что их соотношение и функции по-разному существуют в различных типах обществ.

К примеру, собственно аграрное общество (премодерн) с опасением и даже враждебностью относится к любым инновациям. Традиционные общества, имеющие черты современных обществ (Япония, Китай), достаточно восприимчивы к модернистским инновациям. Классические страны западного либерально-модернистского типа превратили инновации, по сути, в самоцель, оказавшись в ловушке техногенной цивилизации.

Другими словами, если для традиционных обществ из-за их статичности актуальна, в первую очередь, проблема модернизации, то в либеральных странах вопрос о восстановлении традиции давно уже стал экзистенциальной проблемой сохранения культурно-цивилизационной идентичности. В этой связи примечательно, что начиная еще с середины XIX в., в Европе в лице таких мыслителей, как Р. Генон, Э. Берк, Ю. Эвола, Ф.Н. Шатобриан, О. Шпенглер и др., получают развитие достаточно влиятельные философские школы консерватизма (традиционализма), которые критически оценивают перспективы и результаты западноевропейской модернизации [3. С. 58].

Относительно вопроса сочетания традиции и инновации в разных социокультурных системах надо отметить, что в традиционных обществах, воспроизводящих себя на основе традиции, имеются инновации, но их действие поддерживается в обществе лишь до тех пор, пока они не ломают традиции. Развитие здесь является циклическим, так как рано или поздно инновация начинает казаться опасной для традиции и обрывается возвратом к ней. История здесь всегда берет свое, не допуская чрезмерного отклонения от сложившегося хода. В современных же обществах решающую роль играет инновация, допускающая традицию до тех пор, пока последняя не вредит инновации.

Если традиции могут интерпретироваться, мы имеем диалог традиций с новациями, при котором происходит приращение. Именно тогда происходит органическое развитие общества — конвенциональная модель обновления. Конфликтная модель (контрмодернизация) — когда традиции непререкаемы и несоотносимы с человеком, с его правами, происходит деградация общества, деформируется его мировоззренческая и социокультурная матрица.

Потребность общества к обновлению само «прокладывает свой путь». Это можно проследить в культуре каждого общества. Иными словами, в каждой культуре есть потенциал, позволяющий адаптироваться к новым условиям.

Так, например, в соответствии с одной из доминант ценностной системы абхазской культуры — «айзырхара» — приращение есть нравственный импера-

тив, значит «прирастить очаг новыми достижениями». Идея «айзырхара» предполагает традицию обновления и входит в стратегию традиционного человека. В абхазском миропонимании, чем больше человек прирастил к достигнутому его предками, тем больше он и традиционен. Таким образом, идея «айзырхара» есть традиция в традиционном абхазском обществе, при котором общественное развитие есть не простое воспроизводство некоего образа жизни.

На мой взгляд, данный потенциал культуры не в полной мере был раскрыт в советский период в Абхазии. В других же условиях абхазское традиционное общество могло быть в достаточной и необходимой степени открытым для инноваций, и способным не только воспринимать, но и органично синтезировать их в социальную ткань своей культуры.

Исторический опыт таких государств, как Япония и Китай, свидетельствует о том, что поступательного развития они достигли как раз за счет консервирования и обновления основных механизмов и институтов традиционного социального устройства. Если европейская модернизация опиралась на традиционный базис семьи, то, к примеру, японская, кроме этого, еще и на корпоративные традиции.

Поворотным пунктом в истории Японии нового времени стали события 1867–1868 гг., известные как «Реставрация Мэйдзи». В XIX в., когда страны Востока стали объектом экспансии со стороны западного капитализма, остро встала проблема поиска адекватного «азиатского» ответа на «европейский вызов». Такой ответ был найден правящей элитой Японии при помощи жесткой государственной централизации страны и путем проведения глубоких преобразований в самых разных сферах жизни японского общества.

Содержательной стороной периода «Мэйдзи иссин» стал процесс форсированной социально-экономической модернизации страны, в результате которого Япония уже к началу XX в. превратилась в мощную военно-промышленную державу и встала на путь внешней экспансии.

Как пишут историки, на тот момент времени Япония оказалась единственной страной Востока, которая не только избежала участи превращения в колонию или полуконию, но и провела действительно успешную модернизацию на основе не разрыва, как на Западе, а преемственности с господствующей религиозно-культурной традицией.

Стратегия реформ «Мэйдзи иссин» может считаться наиболее успешным и показательным во всей мировой истории примером успешно осуществленной «консервативной модернизации». Ее творцы достигли своих целей: восстановили принцип единства духовной и светской, жреческой и царской власти; вернулись к господству традиции в духовной сфере, сделав синто религиозной, политической и этнической основой государства и общества; спасли Японию от иностранного вторжения и участи полузависимой колонии; провели необходимую для вхождения в «цивилизованный» мир интернационализацию, несколько не утратив контроля над массами и не пожертвовав традиционными основами общества и государства; путем необходимых реформ обеспечили себе прочную

политическую власть, а стране и населению — просвещение, стабильность и стремительный экономический рост [8].

Данная модель модернизации, условно говоря, «модернизации без вестернизации», была применена и в других странах «незападного» мира. В целом типологически можно констатировать наличие сходства в содержании и характере общественных процессов периода «Мэйдзи иссин» в Японии и событиями исламской революции в Иране 1978–79 гг., а также политикой «4-х модернизаций» в современном Китае. Во всех этих явлениях можно обнаружить в большей или меньшей степени черты «консервативной модернизации»: возврат к сакральным и духовным ценностям, к традиции — с одной стороны, и устремленность в будущее, технологический рывок, быстрые темпы социально-экономической модернизации — с другой.

Советская как разновидность этатистской модели модернизации является примером крайне неорганического и нестабильного развития.

Проблема модернизации современного российского общества есть по сути проблема общественной стабильности. Двадцатилетняя эпоха социальных трансформаций сделала очевидными невозможность и тупиковость либеральной модели модернизации в России. Нельзя не заметить положительные моменты — все явственнее за политическим фасадом нашего государства проступают черты традиционного социального устройства, что вполне естественно, поскольку традиция, представляющая собой многослойную культурную память народа, образует органическую почву социальной жизни, неизбежно воспроизводящую саму себя.

Одновременно можно зафиксировать, как вслед за этим процессом дискурс российской власти все больше сдвигается в сторону консервативно-патриотической идеологии. Современные реформы Кремля, при всей их неоднозначности, уже лишены антитрадиционалистского пафоса 90-х гг. В этих условиях вновь приобретают жизненную актуальность вопросы модернизации и развития неэффективного государства, поиска новых социальных и политико-правовых механизмов, способных укреплять общественную стабильность в стране. Отсюда — важность принятия законодательства и осуществления практической политики на основе баланса традиции и инновации как фактора общественной стабильности.

Проблемы традиции и инновации в развитии позволяет утверждать, что они приобретают исключительную остроту в российской политической культуре и являются ключом к решению множества других политических и социальных проблем. Качественные изменения в обществе в результате проведения модернизации возможно тогда, когда удастся установить коммуникативную связь социальных слоев и институтов относительно стратегии сохранения общественной стабильности.

В силу культурных, исторических и геополитических обстоятельств именно эти условия не были соблюдены в России, когда общество перешло к развитию модернизационного типа. В конце XIX в. российский мыслитель и публицист И. Катков так характеризовал модернизационный процесс в России: «Наш российский

прогресс со времен Петра Великого неудержим и бесплоден. Одно новшество следует за другим, и все приходит извне. Мы все начинаем так, как будто у нас нет прошлого. В России никогда не было равновесия между силами действия и движения и консервативными силами сопротивления, которое могло бы сделать развитие безопасным и плодотворным. Государство в течение всей российской истории являлось силой разлагающей, двигающей и нарушающей обычай. В России народ и общественные силы всегда действовали консервативно, ибо они сопротивлялись опасности потери жизни тех основ, без которых любое движение бессмысленно» [5].

Данное наблюдение трижды подтвердилось в XX в. В результате исторических и социокультурных деформаций в России стала вырождаться национальная традиция, а обновление общества скорее носил поверхностный и фрагментарный характер. В этих условиях социальные институты претерпевают функциональное искажение, девальвируя демократические принципы и ценности. Социальные институты представляют образования, в которых форма не соответствует сущности, а функция — содержанию.

Иногда, как это имело место и в 90-х, количество и масштабы «перестройки» за короткий исторический период превысили все пределы. В результате западного «демократического облучения» России модернизация не решила поставленных задач [7].

С одной стороны, отсутствие ответственной власти, а с другой — отсутствие развитого гражданского общества создают угрозу общественной стабильности, которая базируется на закономерности, проявляющейся в разной степени на различных этапах исторического развития: в центре внимания находится человек, его права на достойную жизнь. Следовательно, общественная стабильность в России на современном этапе модернизации включает в себя равную защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Таким образом, гарантии общественной стабильности лежат в характере взаимоотношений традиции и инновации, консерватизма и либерализма. Конфронтация этих начал укоренена в деформациях ценностного строя российского общества, сферы идеологий и социальных мифологий, политического поведения. Сохраняющаяся в разные периоды в истории России сложность и острота модернизационных процессов состоят в том, что они сопряжены конфликтами между ценностями «западников» и «славянофилов», конфликтом между дореволюционной и социалистической традицией, между «правыми» и «левыми». В этих условиях России предстоит строить новое общество, прокладывая для себя стратегическую для общественной стабильности традицию. Она заключается в уважении и соблюдении единства двух органически взаимосвязанных в контексте развития общества мировоззрений: российского консерватизма и российского либерализма. Данная традиция способна стать той необходимой для России «социальной трансмиссией», которая и обеспечивает общественную стабильность на путях ее развития.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ахиезер А.С.* Россия как большое общество // Вопросы философии. — 1993. — № 1. — С. 3–19.
- [2] *Бауман З.* Индивидуализированное общество. — М.: Логос, 2002.

- [3] *Башикирова Е.И.* Трансформация ценностей Российского общества // *Полис*. — 2000. — № 6. — С. 51–65.
- [4] *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Протестантская этика: Сб. статей*. — М.: Прогресс, 1972.
- [5] *Катков М.Н.* Размышления // *Московские Ведомости*. — 1864. — № 13.
- [6] *Медушевский А.Н.* Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. — М.: РОССПЭН, 1997.
- [7] *Панарин А. С.* Россия в цивилизационном процессе: (между атлантизмом и евразийством). — М.: ИФ РАН, 1995.
- [8] *Шейнфельд А.И.* Политическая модернизация в Японии: традиционные механизмы реализации: Дисс. ... канд. полит. наук. — М., 2007.

SUCCESSFUL MODERNISATION AS A FACTOR FOR SOCIAL STABILITY

B.A. Kamkiya

The Department of Theory and History of State and Law
Sochi Institute (branch) of Peoples' Friendship University of Russia
32, *Kuybyshev st., Sochi, Russia, 354348*

This article aims to study the experience of the renewal of society in Russia as well as in other countries. Successful models of modernisation are analysed. The problem set out is that of discovering one's own resources for renewal as a necessary condition for societal stability. It notes that the process of renewal is, in every society, a most complex testing one and reaches the conclusion that within the culture of every society there are channels (values) for renewal, by means of which each people can lay its own (traditional) course for modernisation that involves fewer conflicts.

Key words: modernisation theory, models for modernisation, successful modernisation, organic and non-organic processes for societal modernisation, conditions for social stability, archaism, traditions, spiritual dominants, resources for renewal.